

Три варианта исторического романа Ст. Злобин в работе над «Салаватом Юлаевым»

I

Далеко не всегда первая книга, выпущенная писателем, это книга, которой он входит в литературу. Нередко литературный дебют будущего писателя говорит лишь о тяге молодого человека к литературной работе, но не о реальных достижениях его как художника слова. Настоящая первая книга писателя, действительно заслуживающая такого наименования, — это та, в которой ему удастся проявить свою творческую индивидуальность, которая отвечает на какие-то определенные, общезначимые запросы времени и которая находит доступ к широкому читателю.

Ст. Злобин, являющийся сейчас одним из популярнейших советских исторических романистов, дебютировал в 1924 году сказкой для детей «Переполах». Произведение это свидетельствовало о несомненных способностях автора, однако вместе с тем оно было лишено серьезного литературного значения. Подлинно первая книга Ст. Злобина, «Салават Юлаев», появилась в 1929 году. Ею начата большая и плодотворная работа писателя в области советского исторического романа, продолжающаяся уже свыше тридцати лет.

Хотя «Салават Юлаев» — роман исторический, изображающий события, происходившие без малого двести лет тому назад, его ни в коем случае нельзя рассматривать как произведение, оторванное от жизни, родившееся в тиши кабинета. Роман этот тесно связан с личным, биографическим опытом автора, с его переживаниями и раздумьями. В то же время для того, чтобы лучше понять истинную ценность и место этой книги в литературе, надо брать «Салавата» не изолированно, а в «контексте» литературной и идеологической жизни двадцатых годов.

Понятно, я не стану здесь в подробностях воспроизводить долгий жизненный путь Степана Павловича Злобина, недавно отпраздновавшего свое шестидесятилетие. Скажу лишь вкратце о начальном этапе его пути.

С. П. Злобин родом из семьи, причастной к революционному движению. Это сказалось на судьбах его родителей: после разгрома революции 1905 года и отец его и мать были сосланы в Сибирь, причем мать была осуждена на вечное поселение. Мальчик рос у дедушки и бабушки в Рязани, где и учился в реальном училище. Однако дальше пятого класса он там не пошел: «помешал» 1917 год. Подросток, который зачитывался не только «Оводом» и «Спартак»ом», но и «запрещенной литературой» — книгами о Софье Перовской, Степане Халтурине, Александре Ульянове, героях-потемкинцах, — осенью 1917 года, еще до Октябрьского восстания, вступил в революционно-молодежный отряд, а после Октября — в Красную гвардию. Юный красногвардеец участвовал в обысках, реквизиции оружия, секретной службе ревкома по борьбе со спекуляцией и т. д. «Все это, — вспоминает писатель, — было по-мальчишески и воспринималось в романтическом аспекте». Затем последовала работа в Губземотделе, в продотряде, в Комиссариате социального призрения. Вообще, прежде чем стать писателем, Ст. Злобин переменял немало профессий: он был пожарным и электромонтером, учителем и лектором, статистиком и экономистом, был он и журналистом и редактором.

Рано обозначившиеся литературные интересы привели Ст. Злобина в 1921 году в знаменитый «Брю-совский институт» — Высший Литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова, воспитавший столько советских писателей. Его он и окончил в 1924 году и тогда же, о чем уже говорилось выше, выпустил в свет первую свою книжку.

Но это была только «предыстория» Ст. Злобина как писателя. По-настоящему его писательская биография началась, лишь когда его — в том же 1924 году — волей судеб занесло в Башкирию, в Уфу. Жил он там около шести лет, исколесил весь край с различными экспедициями, выполнил ряд ответственных поручений башкирского правительства, в частности связанных с разработкой народнохозяйственного плана, со специальным заданием по борьбе с засильем кулачества. А наряду с этим он упорно рылся в местном архиве, жадно вглядываясь в пожелтевшие листы старинных документов, которые до него ничьего внимания не привлекали. В дневниках и блокнотах Ст. Злобина — и, разумеется, в зрелой памяти молодого писателя — скопилось масса

бытового, исторического и фольклорного материала. Весь этот материал в той или иной мере был использован затем в романе «Салават Юлаев».

Но, разумеется, не только то, что он так близко и непосредственно узнал жизнь Башкирии, определило успех первого его крупного произведения. Ст. Злобин в этот период благодаря близкому, практическому соприкосновению с народной жизнью возмужал идейно, преодолел многие увлечения и заблуждения своей юности; он много испытал, много передумал, многое понял — и это отразилось самым благотворным образом на его творческой работе.

Должен оговорить здесь, что объемистый исторический роман, находящийся сейчас в распоряжении читателей, заметно отличается от той относительно небольшой книжки, которая была обнародована в конце двадцатых годов. Ст. Злобин — художник крайне к себе требовательный. Вновь и вновь обращается он к уже опубликованным произведениям, от издания к изданию совершенствует их язык и композицию, перестраивает целые сюжетные линии, вводит новые действующие лица. Так работал Злобин даже над лучшей своей книгой — «Степан Разин». Хотя роман этот и был удостоен в 1952 году высокой награды — Государственной премии первой степени, в следующее же его издание автор внес ряд существенных исправлений. Вот как сам романист в одной из своих статей мотивирует их необходимость: автор должен был внести в массовое издание книги «изменения, которые подсказывало ему его авторское сердце, письма читателей, споры и обсуждения с друзьями, высказывания некоторых критиков, мнение которых автор уважает» Что касается «Салавата Юлаева» — произведения юношеского и кое-где поначалу юношески наивного, — то к нему на протяжении тридцати с лишним лет писатель возвращался не раз и в нем, естественно, изменения производились наиболее значительные.

Подробнее об этом речь будет впереди. А пока заметим, что уже в первом издании романа образ Салавата дан с незаурядной художественной силой, которая покоряет читателя.

II

Салават Юлаев, прославленный сподвижник Емельяна Пугачева, предводитель башкирских повстанцев, сражавшихся в семидесятых годах XVIII века под знаменем русского крестьянского «царя», — чрезвычайно колоритная историческая фигура. И самый тот факт, что именно его Ст. Злобин избрал главным героем своего романа, нельзя не признать весьма знаменательным.

Конечно, молодого писателя «подкупило» то обстоятельство, что в лице Салавата — полководца и певца-импровизатора, песни которого до сих пор поются в Башкирии, — он «напал» на богатый, красочный и выигрышный материал. Конечно, Салават — юноша, в двадцать лет ставший вождем своего народа, — так и «просится» в герои исторического романа. Но, как известно, материал сам по себе в литературе мало что решает. Основное заключается в направленности писательских интересов, от которой зависит в сущности и выбор материала, а она, эта направленность писательских интересов, диктуется эстетическими, художественными взглядами, идеями писателя, его идеологическими и политическими позициями. Как раз эту сторону дела и нужно в первую очередь выделить, говоря о книге Ст. Злобина.

«Салават Юлаев» примыкает к тем произведениям на историко-революционные темы, которые в изобилии появлялись в двадцатых годах и в поэзии, и в драматургии, и в прозе. Назовем в этой связи поэму

В. Каменского «Степан Разин», стихотворную драму

С. Есенина «Пугачев», пьесы А. Луначарского «Оливер Кромвель» и «Фома Кампанелла», А. Глебова «Загмук», К. Тренева «Пугачевщина», романы О. Форш «Одеты камнем», Ю. Тынянова «Кюхля», А. Чапыгина «Разин Степан», «Повесть о Болотникове» Г. Шторма. Со всеми этими очень разными и разнохарактерными произведениями «Салавата Юлаева» роднит стремление отразить в художественных образах родословную революции. Но подошел к этой важнейшей и значительнейшей теме Ст. Злобин по-своему.

При обращении к «Салавату Юлаеву» бросается в глаза, что он посвящен жизни народа, о котором до того в литературе почти совершенно не писалось. Ст. Злобин едва ли не первый познакомил русского и всесоюзного читателя в художественной форме с жизнью, бытом, нравами, историей башкир. В историческом романе такая попытка рассказать о народе, ранее отодвинутом на задворки исторического развития, была сделана впервые — и в этом состояла бесспорная заслуга молодого писателя.

Но вообще, — что необходимо подчеркнуть особо, — пристальное, творческое внимание к братским народам СССР уже в двадцатых годах в русской советской литературе получило широкое распространение. Об этом со своей всегдашней чуткостью к новым литературным явлениям писал в 1930 году в статье «О литературе» А. М. Горький.

«Молодая наша литература, — указывал он, — при сравнительной слабости своих изобразительных средств, отличается широтой охвата действительности. Десяток лет — детское время. И все же за эти десять лет, тотчас после гражданской войны, молодежь наша дала множество книг, которые освещают жизнь даже самых темных и отдаленных от центров культуры «медвежьих углов».

Мы имеем отличные книги, мастерски рисующие жизнь и быт даже тех племен, которые жили безвестно, немо, и только что разбужены властной рукой революции от «сна веков»...»

Горький указывал далее в своей статье, что значение этих книг заключается не только в их художественной ценности:

«Старый читатель, я с радостью отмечаю в молодых литераторах умение проникать глубоко в быт и психику тех людей, которых «государственный гений» Романовых вычеркивал из жизни. Марксистская наша молодежь действительно умеет встать рядом с узбеком и киргизом, с чеченцем и самоедом, встать с каждым, как равный с таким же равным. Это — факт, культурное значение которого нельзя преувеличить: суть факта в том, что литература объединяет все племена Союза Советов не только силой своей революционной идеологии, но и своим активным товарищеским стремлением понять человека «изнутри», изучить и осветить его древний быт, вековые навыки его. Иными словами, молодая литература наша энергично служит делу объединения всего трудового народа в единую культурно-революционную силу. Это — задача совершенно новая, важность ее не требует доказательств, и само собою разумеется, что старая литература перед собой такую задачу не ставила, не могла поставить».

Так же как произведения на историко-революционные темы, книги о вчерашних «инородцах», людях, живших до революции «безвестно» и «немо», образуют в первом пооктябрьском десятилетии большой литературный поток. В него входят (если продлить список этих книг до наших дней) «Полярное солнце» В. Лебедева, «Тайна» Л. Пасынкова, «Последний из удэге» А. Фадеева, «Кочевники» Н. Тихонова, «Саранчуки» Л. Леонова, «Баташ и Батай» Ю. Либедина, «Человек не хочет умирать» И. Меньшикова, «Чукотка» и «Алитет уходит в горы» Т. Семушкина и многие другие. Если же взять «Салавата Юлаева», то в нем как бы пересекаются две тематические линии, обозначившиеся в нашей литературе. Задача, с такой четкостью сформулированная А. М. Горьким, — помочь объединению всего трудового народа, людей всех национальностей «в единую культурно-революционную силу», — реализуется в «Салавате» в художественно-историческом повествовании. Это и определяет его место в литературном процессе. «Салават Юлаев» — первый советский исторический роман, в котором развернуто, широко разрабатывается тема дружбы и сотрудничества народов СССР в прошлом.

Историческая значительность этой темы неоспорима. Ни в одной из великих крестьянских войн, сотрясавших Русь в течение XVII и XVIII веков, социальные низы русского народа не боролись со своими эксплуататорами и поработителями в одиночку: их союзниками в этой борьбе неизменно выступали угнетавшиеся царизмом нерусские народности. Так было и при Болотникове, и при Разине, и при Пугачеве. В восстании Пугачева, в частности, активно участвовали народы Приуралья и Поволжья, причем в первую голову должны быть выделены башкиры, примкнувшие к пугачевскому движению в самом его начале и серьезно содействовавшие его развитию. Как раз

эта типическая особенность крестьянских движений в крепостнической России и нашла свое художественное воплощение в «Салавате Юлаеве».

Однако не только об исторической значительности избранной автором темы нужно говорить, оценивая первый исторический роман Ст. Злобина. Следует остановиться одновременно на несомненной актуальности идейно-художественной проблематики этого романа, который, как и вся наша художественно-историческая литература, изображая прошлое, служит настоящему, отвечая на насущные запросы и потребности своего времени.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру во взаимоотношениях между многочисленными национальностями, входящими в состав бывшей Российской империи. Во времена царизма в стране господствовали национальный гнет и национальная вражда. Царизм проводил открыто угнетательскую политику, культивируя на окраинах патриархально-феодалные отношения для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве. Он намеренно заселял лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами для того, чтобы оттеснить местные национальные массы и усилить национальную рознь. Он все делал для того, чтобы задуть инициативу лучших людей из местного населения, пресекать всякую активность «инородцев». Этой гнусной насильнической политике царизма положили конец большевики. Как неоднократно указывала партия, Октябрьская революция, свергнув власть помещиков и капиталистов, одним ударом разорвала цепи национального угнетения, подорвала старую национальную вражду, расчистила почву для сотрудничества народов и завоевала русскому пролетариату доверие его инонациональных братьев не только в России, но и в Европе и Азии.

Как сказано в Программе партии, принятой XXII съездом КПСС, разрешение национального вопроса является величайшим завоеванием социализма: «Объединение и сплочение равноправных народов на добровольных началах в едином многонациональном государстве — Союзе Советских Социалистических Республик, их тесное сотрудничество в государственном, хозяйственном и культурном строительстве, братская дружба, расцвет их экономики и культуры — важнейший итог ленинской национальной политики». Вместе с тем партия требует в своей Программе «последовательно проводить и впредь принципы интернационализма в области национальных отношений; укреплять дружбу народов, как одно из важнейших завоеваний социализма; вести непримиримую борьбу против проявлений и пережитков всякого национализма и шовинизма, против тенденций к национальной ограниченности и исключительности, к идеализации прошлого и затушевыванию социальных противоречий в истории народов, против отживших обычаев и нравов, мешающих коммунистическому строительству».

Отсюда ясно, какое значение имеет правдивое художественное воссоздание традиций совместной борьбы против царизма нерусских народностей и социальных низов русского народа. Царизм порождает, не мог не порождать в дореволюционное время в темных, забытых национальных массах чувство глубочайшего недоверия ко всему русскому. Этим после революции пытались воспользоваться буржуазные националисты в своих контрреволюционных целях, стремясь законное возмущение масс царизмом, его угнетательской политикой, его колонизаторскими методами обратить против великого русского народа и русского рабочего класса. Крайне важно поэтому образно, впечатляюще показать, какова в действительности была роль России и русского народа в историческом процессе, как различные народы, ныне образующие могучее многонациональное Советское государство, с давних времен боролись вместе против общих врагов. Это способствует преодолению буржуазно-националистических воззрений и предрассудков.

И мы видим, что все чаще в нашей литературе появляются произведения, отвечающие этой большой, благородной задаче. Идеей дружбы и братства народов пронизаны и «Песнь о Давиде Гурамишвили» грузинского поэта С. Чиковани, и романы казахского писателя М. Ауэзова «Абай» и «Путь Абая», и роман украинского писателя Н. Рыбака «Переяславская рада». Тема дружбы народов — одна из основных в монументальном произведении Ст. Злобина, романе «Степан Разин». Но когда встает вопрос о зарождении этой темы в советской художественно-исторической литературе, мы должны вспомнить о юношеском романе Злобина «Салават Юлаев». Присмотримся же к тому, как рисует писатель своего замечательного героя и его эпоху.

В качестве руководителя башкирского восстания 1773—1774 годов Салавата Юлаева, в соответствии с исторической действительностью, характеризуют в романе две основные черты. Во-первых, Салават выступает в нем как непримиримый борец против колониального гнета царизма; во-вторых, он не мыслит себе этой борьбы против гнета царизма вне союза с русским крестьянством, добывающим свое социальное освобождение. В этом — четко выявленное писателем принципиальное отличие восстания 1773—1774 годов от всех предыдущих башкирских восстаний.

И в XVII и в XVIII столетиях Башкирия была очагом непрекращающихся восстаний против жесточайшего колониального режима, установленного царским правительством. Террористические методы управления; дикие насилия и произвол местных административных властей; фискальный гнет и беззакония при сборе податей; беззастенчивый грабёж и скупка за бесценок башкирских земель; заселение их русскими служилыми людьми, казаками, стрельцами; постройка многочисленных крепостей, форпостов, горных заводов; угроза закрепощения коренных жителей страны — все это не могло не вызвать протеста башкирских народных масс.

Проводя политику беспощадного колониального ограбления Башкирии, царское правительство старалось вместе с тем привлечь на свою сторону башкирскую родовую знать, подтверждая ее феодальные привилегии и предоставляя ей ряд важных льгот. Пользуясь этими привилегиями и льготами и боясь потерять свои богатства, тарханы и баи в большинстве своем сохраняли «верность» царскому правительству. Мало того — во время башкирских восстаний «верные» баи эти нередко играли прямо изменническую роль по отношению к своему народу, активно содействуя карательным мероприятиям царских властей. Понятно, восставшие трудовые массы не миловали предателей. Но в то же время рядовые башкиры не могли еще освободиться от общего влияния феодальной верхушки тогдашнего башкирского общества. Этим и пользовались башкирские феодалы, стремившиеся направить возмущение масс против «неверных» в выгодное для себя русло.

Отсюда двойственный характер башкирских восстаний, предшествовавших восстанию, возглавленному Салаватом Юлаевым. В основе своей они бесспорно прогрессивны, поскольку борьба велась против колонизаторской политики царизма, против расхищения башкирских земель и т. п. И хотя восстания эти и были потоплены в крови, безрезультатно, тем не менее, они не прошли: формально крепостного права в Башкирии царское правительство так и не решилось установить. Однако вместе с прогрессивными башкирские восстания до Салавата несли в себе и реакционные черты. Башкирские феодалы, принимая участие в руководстве восстаниями, ставили своей целью отделение Башкирского края от России и образование особого мусульманского государства под протекторатом Турции или Крыма. Они призывали восставших «от всякого общения с русскими отстать». И идя на поводу у собственных эксплуататоров, не отделяя классовых врагов от естественных союзников в борьбе с царизмом, башкирские повстанцы разоряли и уничтожали все без разбора русские поселения на своих землях, как помещичьи усадьбы, так и крестьянские дворы. Только в семидесятых годах XVIII века, когда началась крестьянская война под водительством Е. И. Пугачева, освободительное движение башкирского народа сумело преодолеть эти реакционные черты.

Вряд ли после сказанного нужно пояснять, каким целесообразным и оправданным было решение Ст. Злобина — избрать именно Салавата Юлаева главным действующим лицом своего романа.

Любопытно, что одно время Ст. Злобин колебался, о ком, собственно, ему писать — о Салавате Юлаеве или же о Кара-Сакале, руководителе восстания 1740 года. Изучая историю башкирских восстаний, молодой писатель разыскал в архивах множество материалов о кара-сакаловском восстании, которое ранее в исторической литературе почти совсем не было освещено¹. Соблазнила возможность сказать новое слово об исторической личности, оставшейся непонятой историками-специалистами. Потом, однако, перевесило другое, гораздо более существенное и значимое соображение. О нем Ст. Злобин рассказал в 1935 году в статье «Как я делал книгу «Салават Юлаев»: «В то время как Кара-Сакал был националистом, поднявшим сепаратно

башкирское восстание под знаменем ислама, Салават был участником и одним из вождей пугачевского движения и вел более упорную и интересную борьбу с правительством»².

Так как С. П. Злобину, по его словам, было «жаль» материалов о Кара-Сакале, то он включил их в пролог романа о Салавате. Но дело, разумеется, не сводится лишь к «скудости» писателя и к его желанию непременно использовать обнаруженные материалы. Введение пролога позволило расширить рамки романа и ярче выявить его основную идею. Получилось противопоставление двух башкирских восстаний-1740 и 1773—1774 годов — и вместе с тем раскрытие известной преемственной связи, которая между ними существовала.

0 Кара-Сакале в прологе рассказывает отец Салавата — Юлай, старшина Шайтан-Кудейского юрта Сибирской дороги³, являющийся у Ст. Злобина участником кара-сакаловского восстания и названным братом самого Кара-Сакала. Рассказ Юлая — один из самых сильных и выразительных эпизодов романа Ст. Злобина. В нем отлично передана беспредельная, фанатичная ненависть «простых башкир» к грабившим их царским властям, ненависть, распространявшаяся на всех «урусов» и захватывавшая также и «толстобрюхих баев», богачей, которые писали доносы на своих недругов царским чиновникам: вот, мол, такой-то батырь против русской царицы бунтовать хочет. С первых же страниц книги мы ощущаем ту раскаленную враждой атмосферу, в которой зарождались башкирские восстания.

Живо вырастает перед нами из рассказа Юлая красочный, запоминающийся образ Кара-Сакала, которого старики провозглашают ханом Башкирии. Это человек, много в своей жизни претерпевший, побывавший в руках палачей, оставшийся «без носа, с отсеченным ухом и срезанным мизинцем», но полный сил, энергии и желания бороться против «гяуров». Мы знакомимся с его крайне своеобразной биографией, в основном почерпнутой из первоисточников, найденных в архивах, а отчасти додуманной автором книги. Особый интерес представляет трактовка в романе внутренних разногласий между Кара-Сакалом и его окружением.

Написан пролог романа с подлинно поэтической страстностью. Нельзя сказать, однако, чтобы молодой писатель до конца справился с изображением сложной фигуры Кара-Сакала, а следовательно, и восстания, которое он возглавил.

Кара-Сакал наделен в романе очень большим личным обаянием, — пожалуй, даже слишком большим, так что в результате присущие ему авантюристические черточки, когда читаешь книгу, как-то сглаживаются, пропадают. Не досказано, в чем суть противоречий между Кара-Сакалом и Аландзиянгулом, заставившим его назваться ханским сыном, хотя самый факт этих противоречий чутко уловлен автором. Тут чересчур большой простор представляется догадкам читателя. Далее, — кроме пролога, Кара-Сакал в издании 1929 года предстает перед нами еще в одном эпизоде, позднее исключенном из романа: его встречает Салават Юлаев — уже во время пугачевского восстания — в лесу, где бывший башкирский хан скрывается под видом отшельника Мухтара. И в этой сцене отношение Салавата к Кара-Сакалу ничуть не отличается от восторженного отношения к нему Юлая. Все это создает в первой редакции романа определенную эмоциональную настроенность, свидетельствующую о том, что в обрисовке Кара-Сакала писатель не избег некоторых элементов идеализации этого крупного башкирского деятеля.

И все же главное, для чего введен в роман Кара-Сакал, достигнуто: в живых, конкретных художественных образах выражено коренное различие между восстаниями 1740 и 1773—1774 годов.

Когда Ст. Злобин пишет (цитирую по изданию 1929 года): «В первый раз было это, что гяуры вместе с башкирами встали за волю, и сотни атамана Ивана Басова радостными кликами встречали башкир-воинов, и Салават Юлаев-оглы стремя к стремени ехал с царским (т. е. пугачевским. — Г. Л.) атаманом, так же, как он, подымавшим полчища голого сброда», — то слова его убеждают нас в значительной мере благодаря тому, что начинается книга прологом, повествующим о Кара-Сакале.

Подобно историческому Салавату Юлаеву, герой романа Ст. Злобина — верный друг и соратник «наших кунаков, русских». Он превосходно понимает, как это важно для башкир — обеспечить себе помощь и поддержку русского народа. С тех пор как Салават становится во главе восстания, во всем, что он делает, он исходит из необходимости сохранить согласие и единство с русскими. Оттого он так взволнован и так разъярен, когда среди части башкир, приставших к пугачевскому движению, вдруг проявляются антирусские тенденции. Салават Юлаев представляет, следовательно, в романе новое начало в истории башкирских восстаний, — и этим он в первую очередь и дорог писателю.

Ф. Энгельс писал К- Марксу 23 мая 1851 года: «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою мерзость и славянскую грязь (под «мерзостью» и «грязью» Энгельс подразумевает насилия царизма, действовавшего в интересах русских помещиков, горнопромышленников и купцов. — Г. Л.), господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...»¹ Цивилизующая роль эта сказалась не только в экономических преобразованиях, явившихся следствием присоединения Башкирии к России, не только в экономическом прогрессе, за который башкирский народ платил невероятно дорогой ценой; она выразилась и в том могучем воздействии, которое оказала на башкирские массы крестьянская война русского народа в XVIII веке. Это показывается в «Салавате Юлаеве», и это придает роману Ст. Злобина особую политическую остроту, разоблачая на историческом материале измышления националистов о взаимоотношениях между народами нашей великой родины.

III

Художественно достоверно воспроизвести образ Салавата Юлаева — задача заманчивая, но отнюдь не простая. Тут не в том только дело, что вообще непросто писателю, не впадая в грех экзотики, проникнуть в душу человека иного народа, иной культуры и иной эпохи. Серьезные трудности выдвигаются самой биографией Салавата, — столько в ней неожиданного и необычного. В самом деле, требуется показать (и объяснить читателям!), как двадцатилетний юноша смог стать вождем восстания своего народа, как сын бая, владетельного старшины смог войти в ряды антифеодального, антикрепостнического движения, как, наконец, сын участника восстания Кара-Сакала смог преодолеть традиционное недоверие и ненависть башкир к «урусам». Надо дать художественно убедительный ответ на все эти вопросы. А это означает, что нужно показать Салавата в движении, нужно показать, что к дружбе с русскими он пришел с естественной необходимостью, в силу сложившихся жизненных обстоятельств, а не потому лишь, что так понадобилось автору. Каждый поворот в психике и в судьбе героя должен быть строго мотивирован, художественно раскрыт. Только тогда мы поверим в Салавата Юлаева, воссозданного писателем, как в живого, реально существующего человека, и он не превратится в наших глазах в беллетризованное воплощение некой справедливой, но отвлеченной, общей идеи.

Прежде чем создать в своем романе такой образ, — и для того, чтобы его создать, — С. П. Злобину пришлось провести большую предварительную работу, занявшую около пяти лет (с 1924 по 1928 год). Некоторые подробности о ней мы находим в статье 1935 года, о которой упоминалось выше.

Первоначально о Салавате Ст. Злобин узнал из исторической и краеведческой литературы, и эта героическая личность сразу заинтересовала его. Однако одни лишь литературные источники не удовлетворили молодого писателя, и тогда именно он и обратился к местному историческому архиву, где нашел среди прочих бумаг несколько томов документов, относящихся к 1725—1800 годам. Из них были сделаны многочисленные выписки. Хочется указать здесь одну живописную деталь, о которой вспоминает в своей статье Злобин: «Я настолько ушел в изучение интересных материалов, что стал сбиваться в частных письмах, личных записках, как и в деловой работе, на канцелярскую скоропись XVIII в.: то у меня проскальзывало «титло», то буква «у» вырисовывалась восьмеркой, то неожиданно выскакивало давно позабытое «ять»...»¹

Но и такое ознакомление с эпохой не было для Ст. Злобина достаточным. Тут ему «повезло»: в составе экономической экспедиции он отправился в горно-лесной район БАССР, где переезжал из селения в селение, с кочевки на кочевку, собирая предания и песни, пословицы и поговорки,

зарисовывая отдельные характерные ландшафты, приглядываясь к бытовому укладу башкир, в котором в первые пореволюционные годы еще сильны были феодально-родовые пережитки.

Поездки по Башкирии сыграли, пожалуй, решающую роль для автора «Салавата»: они помогли ему наглядно представить себе ту обстановку, в которой вырос и сложился его герой. Вот еще одна выдержка из статьи Ст. Злобина, показывающая, с какой интенсивностью молодой писатель воспринимал все окружающее: «Когда едешь один длинным путем, то хочется петь, и я до того в этот период вжился в психологию местного населения, что однажды поймал себя на том, что совершенно искренне пел лошади, что скоро мы остановимся на ночлег и она будет есть много холодной, сочной дравы. Как это складывалось «поэтически», я, конечно, не запомнил, но это было не искусственно для тогдашних моих настроений».

Таким образом, данные, заимствованные из литературных и архивных источников, соединились у Ст. Злобина с живыми впечатлениями от Башкирии, ее людей, ее своеобразной природы, и этот сплав и послужил основой для создания книги о Салавате Юлаеве.

Каковы же, встает вопрос, художественные средства, примененные Ст. Злобиным в романе для изображения его центрального героя?

Две стороны, тесно связанные между собою, следует отметить, говоря о работе писателя над этим образом. Во-первых, он наделяет Салавата такими чертами характера, которые соответствуют народным представлениям о герое, «батыре». Во-вторых, он ставит Салавата в такие условия (в те моменты, о которых умалчивает история), что становится понятным, закономерным и оправданным его дальнейший жизненный путь, вехи которого засвидетельствованы историческими документами. Всему творчеству Ст. Злобина, на всем его протяжении, свойственно широкое и многостороннее использование фольклора как исторического источника и как одного из основных критериев, которые определяют оценку людей и событий прошлого. Начало такому использованию фольклора у Злобина положено в «Салавате Юлаеве».

В первых главах романа Салават выведен четырнадцатилетним подростком, — и то, что именно с этого возрастного рубежа разворачивается повествование, отнюдь не случайность и не произвол автора. Ст. Злобин придерживается в данном случае башкирского фольклора, популярной башкирской песни, в которой поется:

Сколько лет Салавату?

Зеленая шапка на его голове...

Если спрашиваешь о годах Салавата — Четырнадцать лет он стал богатырем.

Юному Салавату присущи в книге очень многие из тех качеств «жягета», которые так ценят его соплеменники и которые они так охотно прославляют в своих песнях, легендах и сказках. Удаль и бесстрашие, находчивость и остроумие, ловкость и физическая сила, горячий, бурлящий темперамент — отличительные черты его с первых же глав романа. Мы видим сперва Салавата во время опасной охоты на орлов, разоряющего орлиное гнездо и подвергающегося нападению разъяренных хищных птиц; затем ему приходится вступить в поединок с медведем, и он убивает матерого зверя простым казачьим кинжалом; далее он натягивает старинный дедовский лук, с которым не может справиться никто из молодежи старшего возраста, и его оперенная стрела на лету пронзает ястреба. Все эти эпизоды построены, в сущности, на бытовом материале, в известной мере непосредственно наблюдаемом С. П. Злобиным в двадцатых годах. Но материал этот, оставаясь в пределах правдоподобия, писатель сознательно гиперболизирует, что согласуется с духом башкирского фольклора, с тем, что башкиры рассказывают о своих батырях, и в особенности о Салавате. Такого рода гиперболизация, идущая от фольклора, но освобожденная от излишеств, столь частых в фольклорном творчестве, — излюбленный художественный прием Ст. Злобина не только в романе о Салавате Юлаеве.

Охотничий азарт подростка, владеющий Салаватом в начальных главах романа, — показатель огромной, рвущейся наружу, но не нашедшей еще применения активности его натуры. Вскоре,

однако, эта активность его приобретает новое устремление. От сцен, только что названных нами, Ст. Злобин совершенно естественно и последовательно переходит к сценам другого порядка, где молодой Салават рвется в бой с «гяурами», угнетателями своего народа, и где он при первом удобном случае принимает деятельнейшее участие в таком бою. Здесь снова в обрисовке поступков и переживаний героя писатель исходит из фольклорных мотивов, в том числе из мотивов, запечатленных в песнях башкирских повстанцев времен Кара-Сакала и С. Юлаева.

Необходимо заметить, что Ст. Злобину потребовалось при этом настороженно-критическое отношение к находившимся в его распоряжении фольклорным источникам. А. М. Горький, всю жизнь призывавший художников слова учиться на фольклоре, вместе с тем предупреждал: «Надобно особенно зоркое внимание обратить на многочисленные попытки пользоваться материалом фольклора в целях контрреволюционных и узконационалистических, что ведет к вытравливанию и порче общечеловеческих интернациональных тем фольклора»⁴. Такое «зоркое внимание» проявил в своей работе автор «Салавата Юлаева».

Среди песен, записанных в прошлом веке и бытовавших в качестве песен, сочиненных Салаватом, имеется немало таких, где сильны элементы исламистской нетерпимости ко всем «неверным». С. П. Злобин с полным основанием отказывается от того, чтобы эти песни или, вернее, отдельные строфы и строки из них отнести к Салавату Юлаеву, ставшему ближайшим сподвижником Емельяна Ивановича Пугачева. Поэтому, когда он, к примеру, в первом издании романа ставит эпиграфом к шестнадцатой главе четверостишие:

Я пустил стрелу высоко,

Ласточку убил Упала бедная пташка К моим ногам, —

помечая, что четверостишие это — «Из песни Салавата», то продолжение песни и конец ее он преднамеренно опускает. Действительно, песня это заканчивается так:

Для чего тебя я, птичка Бедная, убил?

Для чего ты мне пригодна,

На какую стать?

Лучше было б,

Как стрелою Мог бы я убить Неверного, не обрезанного,

Бога не знающего...

Убить неверного, убить >.

Крайне трудно представить себе эти дышащие злобой строки в устах одного из вожаков пугачевского движения, в рядах которого башкиры дрались бок о бок с русскими против общих врагов.

Очевидно, тут возможны два предположения. Либо эта песня лишь приписана Салавату, либо она сложена им, но задолго до восстания 1773—1774 годов. Во всяком случае, ее мотивы в большей или меньшей степени пригодны лишь для передачи умонастроения подростка Салавата, Салавата первых глав книги, живущего еще отголосками прежних башкирских восстаний, но никак не пугачевского бригадира.

Употребляются в «Салавате» и фольклорные краски иного характера, причем не обязательно взятые только непосредственно из башкирского фольклора. Через весь роман, как преданнейший друг Салавата, проходит сын муллы, толстяк Кинзя. Имя это — историческое. Сын муллы и сам бывший мулла, Кинзя Арасланов — видный участник пугачевского восстания, стоявший близко к штабу движения — «военной коллегии» Пугачева. Герой Ст. Злобина, однако, кроме имени,

ничего общего со своим историческим прототипом не имеет. Добродушный, мягкий и слегка комичный увалень Кинзя нужен Злобину в романе прежде всего как фигура, контрастирующая с отважным, порывистым и решительным Салаватом. Такой контраст между двумя друзьями тоже, без сомнения, идет от фольклора. Конечно, бросается в глаза, что образ Кинзи сложился под сильным влиянием образа Ламме Гудзака из знаменитой книги Шарля де Ко-стера «Легенда об Уленшпигеле». Но мы вовсе не противоречим себе, потому что «Легенда об Уленшпигеле» принадлежит как раз к числу тех классических литературных произведений, которые целиком основаны на фольклоре.

Щедрое употребление фольклорных красок — героических, сатирических, лирических и иных — накладывает на роман Ст. Злобина особый отпечаток. Фольклорные моменты в характеристике Салавата Юлаева помогают читателю четче почувствовать и осознать, что Салават во всех своих проявлениях истинный народный герой, плоть от плоти и кровь от крови своего народа. Этим рассказу о нем придается большая сила и глубина. Но, разумеется, писатель в романе не ограничивается одним фольклором.

Как мы уже говорили, самое трудное состояло для Ст. Злобина в том, чтобы дать своего героя в движении. Надо ответить на вопрос, — и ответить образно, средствами искусства, — как это двадцатилетний Салават накопил такой большой жизненный опыт, что смог стать вождем башкирских повстанцев и пойти с ними по пути, неизведанному прежде, единения и братства с русскими народными низами. Ни в документах, ни в устных преданиях ответа на этот вопрос нет. Что же делает Ст. Злобин? Прибегая к художественному вымыслу, он вырывает Салавата из родного его дома, заставляет его бежать оттуда и сталкивает с жестокой действительностью помещичье-чиновничьей, крепостнической России.

Этот «ход», думается нам, найден автором весьма удачно. Припомним биографии виднейших руководителей крестьянских войн — Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Они вели за собой крестьянские массы, но ни для кого из них не характерен «идиотизм деревенской жизни», отупляющей человека, приковывающей его к одному месту. Жизнь их была чрезвычайно богатой и разносторонней. Все они не только много странствовали по Руси, но и побывали за ее рубежами. И во время этих странствований на их долю выпадало множество самых различных испытаний. «Где, да где уж я не был, — говорил Пугачев яицким казакам, — и какой нужды не потерпел! Был холоден и голоден, в тюрьмах сколько сидел — уж только одному богу ведомо...»¹ Так собирался тот огромный жизненный опыт, без которого руководители крестьянских войн не сумели бы стать во главе движения народа.

Нечто подобное происходит в романе Злобина с Салаватом Юлаевым. Спасая свою жизнь, он вынужден поспешно покинуть отца, молоденькую жену и скрыться подальше от преследователей.

Как сообщает автор, сперва у него была мысль сделать Салавата «беглецом-преступником на романтической почве». Но такая мотивировка была бы случайной, отвлекающей в сторону. Поэтому Злобин дает другую мотивировку, вытекающую из существа взаимоотношений в изображаемую эпоху. Показывается стычка башкир с рабочими Твердышова, одного из наиболее крупных (и наиболее наглых) тогдашних горнопромышленников, который в свое время откупил у Юлая часть его земли за бесценок, а потом стал беззастенчиво захватывать нужные ему земельные угодья даром. В этой стычке пылкий Салават убивает твердышовского мастерового, после чего он и должен спасаться бегством (я излагаю здесь, как везде в этой главе, ход событий по первому изданию романа; в дальнейшем писатель его несколько изменил и усложнил). Нелишне отметить, что весь эпизод этот построен на документальном материале, — вымышлено лишь участие в столкновении Салавата, — но это вымысел, который не только не противоречит исторической действительности, а, напротив, находится с ней в полном согласии. И затем — как много правды, исторической и художественной, в том, что путь, приведший Салавата к дружбе и союзу с русскими, начался для него с враждебного противопоставления себя «урусам».

Писатель делает Салавата в его скитаниях спутником будущего пугачевского генерала — беглого каторжника Хлопуши. Это опять-таки вымысел. Однако ничего искусственного, никакой натяжки в этой их встрече усмотреть нельзя. Что удивительного, в самом Деле, что пересекаются дороги

людей, которые одинаково вынуждены прятаться от розыска? И почему бы, спрашивается, будущим участникам пугачевского восстания не встретиться и не сблизиться в романе еще до того, как восстание началось? Такая ситуация вполне возможна и вероятна.

Сведя юного Салавата с Хлопушей, писатель продолжает развивать в конкретных образах основную идею своего романа. Салават при первой встрече дичится Хлопуши; он до крайности возмущен, когда последний принимается бесцеремонно выпытывать, с кем это его столкнула судьба. Но опытный, бывалый Хлопуша превосходно понимает, что творится на сердце у молодого горячего башкирина, и без особого труда преодолевает неприязнь к себе юноши. Этот бродяга с вырванными ноздрями, при всей его видимой грубоватости, оказывается в высшей степени привлекательным, сердечным человеком, и вскоре Салават видит в нем старшего товарища, приучается верить ему, «как брату родному».

Двухлетние скитания совместно с Хлопушей становятся для Салавата незаменимой жизненной школой. За эти годы, пишет Ст. Злобин, «немало наслышался молодой странник о жизни разных народов «под рукой» русской царицы, и не только наслышался, — немало и видел такого, что сама рука тянулась за пояс к кинжалу, чтобы дружно вместе с острой сталью вступить за слабого, обиженного и забитого нуждой, будь то татарин, кайсак, калмык или даже гяур...»

Так шаг за шагом расшатывается у Салавата всосанное с молоком матери убеждение, будто все гяуры, все урусы—враги башкирского народа.

Важная сцена в романе — встреча Хлопуши и Салавата с неведомым чернобородым человеком — Пугачевым. Происходит она накануне восстания, за несколько недель до выступления Пугачева в роли «императора Петра III». Между Хлопушей и чернобородым завязывается многозначительный разговор об извергах-дворянах, о том, что «в скудость все пришли» — и заводчина, и крепостные, — что народ непременно вскорости взбунтуется и что есть у него для бунта знамя — государь Петр Федорович, сам испытавший на себе все воеводские и боярские неправды; он, говорит чернобородый, «под чужим лицом... по Руси ходит и уже проявлялся достойным, а как всю землю обойдет да уверится, что за ним народ, так и ударит по врагам...» Разговор этот о «справедливом», «народном» царе крепко запоминается Салавату.

С осени 1773 года, с момента возвращения Салавата к родным кочевкам, роман основывается по преимуществу на событиях, имевших место в действительности, отраженных так или иначе в исторических источниках. Писатель рисует стремительный взлет Салавата Юлаева, который быстро вырастает в крупного исторического деятеля, руководителя народно-освободительного движения в Башкирии.

Как и в действительности, получив приказ о посылке девяноста пяти человек для борьбы против Пугачева, Юлай ставит начальником этого отряда своего сына Салавата. Как и в действительности, прельщенный расторопностью молодого башкирина, ассессор Богданов поручает ему отвести к генералу Кару тысячный отряд башкир и мещеряков. Как и в действительности, Салават приводит свой отряд не к генералу Кару, а к Пугачеву. Как и в действительности, Салават с необычайной энергией привлекает на сторону Пугачева башкирские массы и вместе с русскими воюет против войск Екатерины. Как и в действительности, «свирепый Салават» (выражение Пушкина) не щадит тех башкир, которые, изменяя интересам собственного народа, пытаются вредить делу пугачевцев.

Вымышленная история мальчика-беглеца сливается с подлинной историей Салавата Юлаева, и возникает целостный образ героя, романтический и в то же время реалистический, увлекающий читателя и внушающий ему доверие. Салават у Ст. Злобина отнюдь не идеализированный герой, — он человек, которому, по известному изречению, ничто человеческое не чуждо. В романе Салават встает перед нами та-— ким, каким его должны были сформировать среда и время, — со всеми его достоинствами и неизбежными недостатками. Он дается писателем многогранно, разносторонне. Как очень молодой человек, он, естественно, думает не только о подвигах, но и о ласках «земных гурий». Все это делает его образ живым, убедительным. Но главное заключается, безусловно, в том, что благодаря предпосылкам, созданным в романе, мы несколько не

сомневаемся, что Салават, как он показан Ст. Злобиным, действительно способен выступить на историческом поприще в качестве вождя народного восстания.

Не все, однако, в книге — в том виде, в каком она была выпущена в 1929 году — в равной мере удачно. Наряду с образом Салавата Юлаева положительно должны быть оценены в ней и некоторые другие образы, в частности Кинзи, Хлопуши и пугачевского фельдмаршала Белобородова. Многие эпизоды книги надолго врезаются в память: хорошо дано, например, взятие Салаватом Симского завода. Но при всем этом — в первом издании романа мы обнаруживаем ряд существенных недочетов и пробелов. Одни из них объясняются недостатком профессионального мастерства у молодого писателя, другие — недостаточно глубоким проникновением в сущность изображаемых исторических процессов.

Возьмем хотя бы эпизод, о котором выше уже говорилось, — встречу Хлопуши и Салавата с Пугачевым. Пугачева в этом эпизоде сопровождает старый знакомец Хлопуши казак Чика Зарубин, которому впоследствии Пугачев присвоил титул «графа Чернышева». В конце разговора Чика отзывает Хлопушу в сторону, чтобы сказать ему по секрету что-то очень важное. И горячий, вспыльчивый Салават не обижается на это явное недоверие к нему, он совершенно не реагирует на поступок Зарубина. Вряд ли нужно доказывать, что такая пассивность Салавата отнюдь не согласуется с его обликом, как он очерчен автором в романе. Но это, конечно, частность, — правда, симптоматичная.

Главный недостаток первого издания романа — внешнее, поверхностное изображение Пугачева и пугачевского лагеря. Молодой писатель правильно говорит об антикрепостническом характере восстания; однако его сложности, противоречивости, борьбы в самом лагере восставших различных социальных сил он еще не видит. Оттого, в сущности, немотивированным, отодвинутым за пределы книги осталось у него и поражение Пугачева. Так же как многие другие писатели в двадцатых годах, Злобин на первый план среди участников восстания выдвигает в издании 1929 года казаков. Видное место уделено и «заводским мужикам», «работным людям». Но крепостных крестьян, изнывавших под помещичьим игом, писатель ввести в роман не сумел, хотя именно они составляли основную силу восстания.

Неясность для Злобина фигуры Пугачева сказалась в первом издании на одной из важнейших глав романа. Салават в Бердской слободе, куда он привел к «царю» тысячный отряд, впервые беседует с Пугачевым, как с «Петром III». Момент чрезвычайно ответственный, определяющий весь последующий путь главного героя. Что же показывается в этой сцене? Салават, что для него вполне естественно, просит Пугачева приказать «урусам на другой земле гулять!». Фактически это означает разрушение заводов, построенных на башкирской земле. Пугачев «необдуманно» (по собственному выражению автора) соглашается «заводы нарушить». Но это, во-первых, противоречит исторической правде, — для пугачевцев нормальная работа уральских заводов, снабжавших их оружием, имела величайшее значение, — а во-вторых, мельчит образ Пугачева как предводителя восстания.

Другой недостаток первого издания романа относится к показу классовых противоречий внутри башкирского общества. В Башкирии, согласно исследованиям советских историков, мы встречаемся в XVIII веке со сложными общественными отношениями, которые никак не могут быть уложены в рамки родового строя; хотя внешне тогда родовая оболочка сохранялась, на деле это были весьма развитые феодальные отношения. Но в романе классовое расслоение среди башкир обрисовано бегло, в немногих эпизодах. Башкирская беднота представлена лишь несколькими эпизодическими персонажами, которые не играют заметной роли в развитии действия. Поэтому, если понятно, почему Салават в романе примкнул к пугачевскому восстанию, то почему за ним последовали башкирские массы — менее понятно и менее обоснованно.

Дальше. Как уже указывалось, автором сделан намек, что антирусские настроения среди части отсталых башкир исподтишка направлялись «верными» царизму феодальными верхами. Это очень интересное место. Однако в издании 1929 года намек этот сделан столь мимолетно, что внимания читателей он на себе не останавливает.

Таким образом, в первом романе молодого писателя и с исторической, и с художественной точки зрения недоработки имелись немаловажные. Но тем не менее уже в первой своей редакции произведение это прочно вошло в литературу. Получилось так потому, что в нем — в основных чертах, разумеется, — с самого начала поэтически и исторически верно «решен» центральный образ романа, образ Салавата Юлаева. Это-то, думается, и дало книге долгую литературную жизнь.

IV

Роман «Салават Юлаев» был сочувственно встречен и критикой и читателем — особенно детским и юношеским. Тепло отозвался о нем в 1934 году, на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, С. Я. Маршак, подчеркнув, что «надо оценить по достоинству смелость задачи Злобина, который попытался посмотреть на восстание Пугачева глазами башкира Салавата и для этого собрал новый, еще никем не использованный материал». С 1929 по 1939 год «Салават Юлаев» вышел на русском языке шестью изданиями. В эти же годы роман появился на ряде языков народов СССР (башкирском, украинском, белорусском, узбекском, туркменском, мордовском и др.). Весной 1941 года на экраны страны был выпущен кинофильм «Салават Юлаев», поставленный режиссером Я. Протазановым по сценарию С. П. и Г. Н. Злобиных.

Первоначальный текст романа, однако, не удовлетворил писателя, и в конце тридцатых годов он взялся за коренную его переработку. В 1941 году вышло новое, седьмое по счету, издание «Салавата Юлаева». Это была книга, написанная на несравненно более высоком уровне, чем охарактеризованный выше первый ее вариант. В результате переработки объем романа увеличился примерно в полтора раза. При этом автор не только ввел в роман ряд новых эпизодов, сюжетных линий и действующих лиц, но и пересмотрел в некоторых существенных пунктах историческую концепцию первого издания. Во втором варианте «Салавата» появляются многие новаторские исторические и художественные идеи, получившие затем дальнейшее развитие в крупнейшем произведении Ст. Злобина, «Степане Разине».

В изменениях, произведенных в новом издании «Салавата Юлаева», выразился несомненный рост Злобина как историка и художника. Но не только о его личном росте необходимо здесь сказать. То новое качество, которого писатель достиг в своей работе в предвоенные годы, следует поставить в связь с ростом всей нашей исторической науки, в связь с ростом советской художественной литературы, твердо вставшей на путь социалистического реализма.

В тридцатых годах более глубокой и точной стала трактовка народных движений, развертывавшихся под водительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. В выступлениях этих исторических лиц наука стала отчетливо различать отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Именно крестьянство стало рассматриваться как главная, решающая сила этих движений. Нелишне, быть может, однако, добавить, что иные историки, догматически восприняв некоторые формулировки Сталина, начали вообще отрицать и замалчивать сколько-нибудь значительное участие казаков в движениях Болотникова, Разина и Пугачева. Это было явление, характерное для периода культа личности, когда цитата ставилась выше фактов и подменяла собой их изучение.

По-новому в тридцатых годах поставлен был вопрос относительно образования многонационального российского государства. Некоторые историки решали этот вопрос не по-марксистски, отвлекаясь от реальных исторических условий. С их точки зрения, присоединение к русскому государству украинцев, грузин и других народов, переход их под власть России представлял собой «абсолютное зло». На самом деле, однако, в сложившейся исторической обстановке для народов этих такое решение их судьбы было бесспорно меньшим злом. И наука наша немало сделала для того, чтобы раскрыть историческую прогрессивность присоединения этих народов к России.

В литературе тридцатые годы были ознаменованы новым подъемом советского исторического романа.

В 1929—1930 годах была опубликована первая, а в 1934 году вторая книга «Петра Первого» А. Н. Толстого (над третьей, завершающей роман книгой писатель работал, как известно, уже в годы Великой Отечественной войны). В этом замечательном произведении во всю мощь выявилась новаторская сущность советской художественно-исторической литературы. После него об историческом прошлом писать по-прежнему стало уже невозможным.

Опыт Толстого — исторического романиста в той или иной мере помог всем авторам лучших советских исторических романов, написанных или начатых в тридцатых годах. К числу их принадлежат «Емельян Пугачев» В. Шишкова, «Великий Моурави» А. Антоновской, «Чингизхан» В. Яна, «Севастопольская страда»

С. Сергеева-Ценского и некоторые другие. Те особенности «Петра Первого», о которых писал позднее С. П. Злобин, — «необычайно широкий диапазон характеров, выпуклые и четкие социальные характеристики персонажей, резкая и закономерная перестройка психики героев в их историческом развитии, умение определить историческое место и соотношение исторических фактов и творческое значение народных масс в исторических свершениях, отображение прогрессивных и консервативных классовых тенденций в картине общества» *, — те художественные принципы, которые А. Н. Толстой применил в своем романе, оказали чрезвычайно большое влияние на весь наш «исторический жанр».

Такова — вкратце—обстановка, в которой создавалась вторая редакция «Салавата Юлаева».

Что же привнес писатель во второй вариант своего «Салавата»? Это прежде всего совершенно отсутствовавшее в издании 1929 года изображение противоречий в лагере пугачевцев, противоречий между казаками — с одной стороны, крестьянами, а также угнетенными нерусскими народностями — с другой стороны. Я указывал уже на неудачу, постигшую Злобина в первом варианте романа в сцене, рисующей встречу Пугачева с Салаватом в Бердской слободе. Надо сказать, что вообще эта сцена написана вяловато и что, не зная, очевидно, чем бы заполнить Главу, автор заставляет без видимой художественной необходимости Салавата и Пугачева распевать по очереди башкирские и русские песни. Иначе обстоит дело в издании 1941 года.

В нем рельефно даны образы казачьих главарей, о которых еще Пушкин писал в «Истории Пугачева»: «Не терпя постороннего влияния на царя, ими созданного, они не допускали самозванца иметь иных любимцев и поверенных», оговаривая при этом, что «Пугачев скучал их опекою». Накануне прибытия отряда Салавата в Берду они собираются на тайный совет, где договариваются о том, как бы побудить Пугачева снять осаду Оренбурга и вернуться на Яик. В речах Давилина, Лысова, Коновалова и других яицких заправил Злобин с большой художественной силой раскрывает социальную, классовую обусловленность их помыслов и действий: «Вставали за дело казачье, а стоим... За собачье!»; «Царь-батюшка», вишь, орлом в облаках летит: мало ему почета от казаков, — он всю Рассею хочет подмять под себя...»; «Крылышки надо орлу подстричь! Губим казачество за чужую нужду. Мужиков он, вишь, облагает, чувашам пособить сулит, солдатам беглым он тоже отец родной...»; «А чьи хутора пожгут! Чье хозяйство на дым сойдет?! Я так сужу, атаманы... надо идти к домам». И вот «господа атаманы» гурьбой отправляются к «царю», относительно которого им великолепно известно, что он — самозванец.

Захватывающее своим драматизмом столкновение Пугачева с казачьими главарями составляет одно из лучших мест новой редакции романа. Пугачев вовсе не намерен слепо подчиняться указке казаков, вообразивших, что они взяли его в неволю царским именем. «Сами призвали меня, так слушать!» — стуча по столу кулаком, требует он от них. В разгоревшемся споре Пугачев грозит, что сам откроет народу, кто он такой: «Отрекись от царского званья... Вот тут оно мне, на горбу, как гора лежит... Падаль немецкая, цариска удушенный... Имя в могиле стухло, черви его сглодали, а я носи для вашей корысти кусок мертвеца в живом сердце?!» Он угрожает, что последует примеру Степана Разина (хотя хорошо и понимает невозможность этого). «В царя Степан не игрался. Ломил медведем — в том сила была... Народ меня не Петром — Емельяном примет». А когда один из самых озлобленных и нагло разговаривающих с ним яицких заводил Лысов выхватывает пистолет, Пугачев застреливает его на месте.

Именно в эту минуту, когда Пугачеву удастся одному справиться с целой сврой разъяренных врагов, в избу на помощь к нему врывается Салават, случайно подслушавший в сенях тайну самозванца и проникшийся к этому отважному человеку горячей симпатией и уважением. Салавата весь день не звали во «дворец» (делалось это нарочно, чтобы «царь» не узнал, что усилилось его войско), и юноша решил пойти туда сам, ставши таким образом свидетелем разыгравшейся сцены.

Как ясно хотя бы по этому эпизоду, показ социальной неоднородности пугачевского движения, показ внутренней борьбы в лагере восставших обогатил роман в историческом отношении. Обогатился он вместе с тем и художественно. Вторая редакция «Салавата» в гораздо большей степени, чем первая, насыщена действием. Выросла фигура Пугачева, данная в остром конфликте с яицкими жожаками. Укрепились сюжетные связи между героями. Согласно известному определению А. М. Горького, сюжет — это «связи, про-¹ тиворечия, симпатии, антипатии и вообще взаимоотношения людей — истории роста и организации того или иного характера, типа». Сравнение обеих редакций «Салавата» показывает, что взаимоотношения людей в романе стали в результате творческой работы писателя четче, острее, определеннее, многограннее. Особенно важно, разумеется, укрепление сюжетных связей между Пугачевым и Салаватом, помогающее полней раскрыть характеры и того и другого, способствующее более тесной увязке «башкирской» и «русской» линий романа.

Происходит оно не только в сцене встречи главных героев в Берде. В первом варианте книги, как указывалось, странной является пассивность Салавата во время ночной беседы его и Хлопуши с Чикой, Зарубиным и Пугачевым. Салават остается безразличным к тому, что русские собираются что-то от него утаить. Не то совсем мы видим во втором варианте. На этот раз юноша крайне оскорблен, что от него, башкирина, скрывают «русскую правду». «Я нешто чужой человек?! — восклицает он, негодуя. — Наша что цар не слыхал?! Наша цар Петра знам, ладный цар — такой нам ладно — башкирский люди...» И Салават начинает мечтать вслух о будущих милостях чудом спасшегося от убийц народного царя. Охваченный поэтическим порывом, словно в бреду, говорит он о том, с какими словами царь обратится к башкирам: живите, как звери степные, как рыбы в воде, как птицы в небе — по всей вашей вольной воле... С восхищением слушает образную, вдохновенную речь Салавата Пугачев. «Его величество государь, — заявляет он молодому башкирину, — так мыслит, как ты сказал». Он предлагает юноше, чтобы тот передал своим соплеменникам о скором приходе государя. «Как нам говорил, — добавляет он, — так и башкирцам сказывай — лучше не скажешь». А после того, как Пугачев объявляет себя «Петром III», он приказывает вставить в манифест к башкирам слова Салавата, — и манифест восторженно встречается башкирским населением, улавливающим в нем отзвук собственных дум и чаяний.

Крепче связывая Салавата и Пугачева единым сюжетом, эпизод этот примечателен еще двумя своими особенностями. Во-первых, благодаря ему в образе Салавата органичнее объединяются дарование поэта с мыслью и страстью борца за дело народа. Во-вторых, в образе Пугачева выявляется и подчеркивается его готовность и умение прислушиваться к голосу масс, его умение понимать их нужды, учитывать их желания. Это такая черта вождей народных движений, которую Ст. Злобин справедливо считает одной из главнейших и решающих и которую он в следующих своих романах выделяет и акцентирует чрезвычайно настойчиво. Наконец, последнее, что нужно отметить, говоря об изображении Пугачева. Если в издании 1929 года Пугачев легко соглашается на просьбу Салавата уничтожить заводы, то в издании 1941 года он отвечает на эту просьбу решительным отказом: «Нельзя... Завод—государское дело. Железо надо, чугун, медь... Который заводчик народ обижает — над ним управа нужна—и дадим управу. Коли надо — заводы отымем у них, во дворцовые переведем, а жечь заводы— ни-ни! Упаси тебя бог...» Как в этом, так и в других эпизодах Пугачев проявляет себя человеком умным, талантливым и волевым, располагающим всеми данными, необходимыми для предводителя крестьянской войны.

Все эти изменения во второй редакции «Салавата Юлаева» очень значительны. Здесь намечается принципиально новое историческое понимание природы крестьянских войн, несравненно более глубокое, чем прежде, основанное на конкретном изучении материала, в соответствии с указаниями классиков марксизма-ленинизма. В то же время писатель ищет и в ряде мест находит

весьма убедительные художественные средства для выражения этого нового понимания крестьянских движений. Несомненно, следовательно, что в издании 1941 года писателем сделан большой шаг вперед. Но его можно — и следует — упрекнуть в том, что пугачевское движение, составной частью которого явилось башкирское восстание под руководством С. Юлаева, показано и в этой новой редакции недостаточно широко. Остается также в силе упрек, что не введены в роман по-настоящему крепостные крестьяне, основная масса эксплуатируемых в тогдашней России.

Очень интересна во второй редакции романа фигура Бухаира. В издании 1929 года это был персонаж третьего плана, нарисованный бледно, не обладающий самостоятельной физиономией. В издании 1941 года образ Бухаира — один из основных образов романа. Он выведен в нем «претендентом на башкирский престол», как иронически говорит в конце книги один из русских офицеров, Бухаир в переработанном варианте «Салавата» — представитель наиболее реакционных кругов башкирского феодального общества. Он — выходец из феодальной знати, «верной» царскому правительству. Когда бывшего бунтовщика Юлая избирают старшиной, то русские колонизаторы приставляют к нему писарем сына «верного» бая грамотея Бухаира. И никто — ни русские, ни башкиры — не подозревает, что Бухаир и его отец живут двойной жизнью, что дом их с давних пор — пристанище для турецких шпионов.

Болезненно-самолюбивый Бухаир, который до поры до времени тщательно скрывает свои мысли и намерения, угодливо служит царским властям и терпеливо выжидает часа, когда можно будет выступить против владычества русских, — Бухаир этот олицетворяет в романе Злобина черную, неодолимую ненависть башкирских феодалов к России и русскому народу. Но это лишь одна сторона медали; обратная ее сторона — презрение и ненависть ярого националиста Бухаира к своему родному башкирскому народу.

Вот Бухаир получает от «царского полковника» Салавата манифест Пугачева к башкирам. Салават ждет, что, как и его самого. Бухаира зажгут слова о звериной воле, о земле, о степях и лесах. Однако ничего подобного не происходит, Бухаир разрывает в клочья воззвание Пугачева: «Башкирам нельзя читать эту бумагу... Она ослепит их и бросит под власть неверных». Со злобой говорит он о безграмотном, подлом народе, у кого нет ни коня, ни овцы: «Их увлекут, их научат грабить богатых, не делая разницы между башкирами и русскими, избивать старшин, писарей, муллу... Хитрый твой царь разделит башкир. Мы будем уже не единым народом, мы станем врагами друг другу...» «Народ — бараны, — резко возражает Бухаир на слова Салавата. — Мы, знающие коран, должны быть пастухами и гнать темных баранов...»

Эта схватка с Бухаиром открывает Салавату глаза на многое. Он ясно осознает, что в его народе есть не только различие мыслей, но и различие интересов и желаний. Война между богатыми и бедными, что идет у русских, неминуемо должна вспыхнуть и среди башкир. С этого времени пути «хана» Бухаира и борца за народ Салавата непримиримо расходятся. И если все усилия Салавата направлены к тому, чтобы победило дело Пугачева, являющееся делом всех угнетенных народов Российской империи, то Бухаир, борясь против пугачевцев, безжалостно вырезывая «гяуров», фактически помогает русскому царизму.

На первый взгляд неожидан, но в действительности глубоко закономерен конец кровавой «карьеры» Бухаира в романе. В одной из последних глав русский офицер опознает «хана» в явившемся с повинной молодом бунтовщике. Но, к величайшему удивлению перепуганного Бухаира, его не схватывают, не сажают в тюрьму, не казнят. Мало того — офицер предлагает ему стать старшиной, хотя, безусловно, знает, что Бухаир убивал русских, разрушал и сжигал их селения. Офицер ставит при этом лишь одно условие: Бухаир должен помочь царским властям поймать Салавата. И вчерашний гордый «хан», испытывая мучительное чувство стыда, соглашается на позорную сделку. Он ощущает в этот момент всю высоту Салавата и собственное падение, но тем сильнее разгорается в нем озлобление против мнимого «отступника». «Поймать и отдать его русским, которым он продан!» — все время твердит про себя Бухаир, не будучи в состоянии сам поверить своим словам. Пленение Салавата екатерининскими войсками происходит в романе именно вследствие предательства вновь переметнувшегося на сторону царизма Бухаира.

Как видим, благодаря противопоставлению Салавата и Бухайра в переработанном тексте романа значительно шире, чем прежде, вырисовываются взаимоотношения внутри башкирского общества. Однако Бухайр, пожалуй, чересчур выпирает во втором варианте книги, где ему отведено чуть не столько же места, сколько и самому Салавату. Еще существеннее другая претензия, которую мы вправе предъявить писателю. Юлай во второй редакции романа, примкнув к восставшим, занимает, в сущности, такую же позицию, что и его сын. Но это, конечно, мало правдоподобно. Надо полагать, у старшины и бая, после долгих колебаний согласившегося стать пугачевским полковником, были свои особые мотивы, чтобы присоединиться к восстанию.

Таким образом, хотя Ст. Злобин и сумел очень многое сделать в издании 1941 года для твердского пересмотра своего романа, все же ему и после этого осталось над чем поработать.

В 1953 году вышло еще одно издание «Салавата Юлаева», вновь кардинально переработанное. Оно представляет собой третью редакцию романа. Что же мы находим в нем нового?

Башкирские историки пристально изучают движение Салавата Юлаева. Особенно больших результатов в этом отношении они добились в послевоенные годы. Используя найденные ими документы, Ст. Злобин смог в издании 1953 года гораздо полнее и точнее, чем до того, обрисовать полководческую деятельность Салавата. Познавательная ценность романа из-за этого, несомненно, повысилась. Правда, на мой взгляд, подробные описания боев, включенные в роман Злобиным, повели к тому, что некоторые главы книги стали кое-где довольно громоздкими.

В большей мере, чем в предыдущих вариантах, писателю удалось в третьей редакции показать чисто крестьянскую струю в пугачевском движении. В частности, очень выразительная сцена разыгрывается в этой редакции у ворот Бердской крепости. В нее не пускают не только башкир и мещераков из отряда Салавата, но и русских мужиков, собравшихся «по государеву кличу». Они себя называют, по обычаю того времени, «казаками», но настоящие казаки с издевкой отвечают им: «Эх, лапотные души! Да какие же вы казаки? Господска челядь вы... Елки-палки — сме-ех!..» Далее, — если в издании 1941 года Салават в Берде один врывается к «царю» во время столкновения его с яицкими главари, то сейчас рядом с башкирским батырем — Андрей Овчинников, «изменивший» казачьим атаманам, приведший с собой связанным войскового судью Творогова, который пытался увести из крепости пушки.

Наибольшее значение в третьей редакции «Салавата Юлаева» имеет измененная характеристика Юлая. Сейчас он — в качестве пугачевского полковника — уже не просто повторяет своего сына, а ведет в романе вполне самостоятельную линию. И линия эта — такая, какая приличествует именно баю. Суть ее в том, что Юлай стремится отобрать у Твердышова захваченные им земли, основу своей феодальной собственности, разрушить построенные на них заводы и поселения и изгнать русских. В третьем варианте романа Салават о заводах с Пугачевым уже не говорит, но свое отношение к ним он выявляет в действии, в остром конфликте с отцом. Взяв с помощью рабочих людей Усть-Катавский завод, Юлай первым делом торопится разыскать и сжечь «бесстыдную грамоту», купчую крепость, которую выманил у него твердышовский приказчик, а затем, к возмущению «заводских мужиков», приказывает «завод ломать, плотину ломать, заводские деревни ломать!» Когда же рабочие негодуя заявляют: «Не можешь ты никуда нас согнать!», Юлаю вдруг приходит в голову «блестящая» мысль — поставить над ними начальником того самого твердышовского приказчика, которого они сами поймали и притащили к «царскому» полковнику на суд и расправу. Любопытная деталь (впрочем, это не деталь, а важный момент в развитии сюжета): в отличие от того, что было в предшествующей редакции, Юлай в издании 1953 года выступает в ряде случаев совместно с Бухайром и действует по его наущению. Бывший писарь хорошо знает слабости своего старшины и умело ими пользуется. Салават с горечью говорит отцу, что тот его позорит, что Бухайр ядовитая змея, — однако Юлай, который вынужден считаться с Салаватом, не в состоянии понять его правды и все время стремится поступать по-своему. То, как изменен образ Юлая, который и в рядах пугачевцев остается феодалом, вотчинником, накладывает определенную печать на все строение книги.

Нет необходимости перечислять здесь все, что писатель счел нужным переменить в третьем варианте своего романа. Упомяну лишь, что изменены обстоятельства первой встречи Хлопуши и

Салавата с Пугачевым и несколько «снижен», по сравнению с вторым вариантом, Бухаир, которому первоначально автор придал излишне демонические черты.

Последнее по времени издание «Салавата Юлаева», которое имеет в своем распоряжении наш читатель, вышло в 1962 году. Ст. Злобин продолжил свою работу в нем над текстом романа. Некоторые сцены сокращены, другие переписаны заново, внесены многие уточнения — фактические и стилистические. Эту художественную отделку романа, тщательную шлифовку его мы должны, без сомнений, оценить положительно. Но, думается, все-таки в 1962 году Ст. Злобин дал по сравнению с изданием 1953 года лишь новую редакцию, а не новый, принципиально отличный от прежних, вариант своего «Салавата». Очевидно, сейчас, по прошествии стольких лет, работу автора над «Салаватом Юлаевым» можно считать наконец завершенной.

Таким образом, как явствует из всего сказанного, в различных вариантах и редакциях одного и того же произведения Ст. Злобиным пройден большой и серьезный творческий путь. Это, в сущности, путь, который проделали все лучшие представители нашей художественно-исторической литературы, — каждый, разумеется, на свой лад. Все более глубоко постигается в нашей литературе историческая правда и все более объемно она показывается. В первом издании «Салавата Юлаева» внимание автора было сосредоточено в основном на центральном герое. С годами он заметно раздвинул рамки романа, поставив перед собой задачу — дать образ героя слитным с эпохой, изображенной эпически широко и разносторонне.